

Е. А. Галинская

Из исторической фонетики русских говоров западной диалектной зоны

Обычно при реконструкции фонетических особенностей диалектной речи прошлых эпох по памятникам письменности (в частности, обширным материалам местного делового письма конца XVI—XVII в.), для подкрепления и проверки полученных результатов исследователи опираются на данные современной диалектологии и лингвистической географии. Однако подчас обнаруживаются несомненные расхождения между распространением некоторых фонетических явлений в современном диалектном языке и теми лингвогеографическими реконструкциями, которые могут быть осуществлены по памятникам локального делового письма для периода конца XVI—XVII в. Таким образом, мы имеем возможность выявить изменения лингвистического ландшафта, которые произошли за последние четыре столетия, и построить некоторые хронотопоизоглоссы.

В настоящей статье речь и пойдет о тех фонетических изменениях, которые произошли в русских северо-западных и юго-западных говорах за период с конца XVI — первой половины XVII в. до наших дней.

Источниками исследования послужили: 1) деловые документы Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей конца XVI — первой половины XVII в.¹, т. е. тексты, созданные на территории современной Ладого-Тихвинской группы говоров; 2) «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.», изданные в 1912 г. Ю. В. Готье².

Приходно-расходные книги казначеев, житнические и другие хозяйственные книги Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей, а также таможенные книги, составленные на Тихвинском посаде, вполне надежно фиксируют живой северо-западный диалект³. «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.» (далее — «Пам. обор. См.») являются сборником документов, представляющих обширное делопроизводство Смоленской приказной избы с августа 1609 по

¹ Рукописи хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института Российской истории РАН (фонды 132 и 3).

² Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг./Под. ред. и с предисловием действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.

³ Об их пригодности для реконструкции местного говора см.: Галинская Е. А. О лингвистическом статусе рукописных книг//НДВШ. Филологические науки. 1985. № 1.

май 1611 г., т. е. относятся к периоду осады Смоленска польскими войсками под предводительством короля Сигизмунда III. Основной корпус текстов «Пам. обор. См.» несомненно отражает смоленский диалект начала XVII в. (лишь несколько текстов, наверняка, не были написаны носителями смоленских говоров и от исследования отведены — № 1–5, 12, 25, 35, 48, 50, 51, 55, 57, 148, 278)⁴.

Сопоставление материала, извлеченного из письменных источников, с данными современной лингвогеографии позволяет обрисовать ряд изменений лингвистической карты русских северо- и юго-западных диалектов в диахронном плане.

1. Судьба фонемы <ѣ> в говорах Ладого-Тихвинской группы

В текстах делового содержания, созданных в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях в конце XVI — первой половине XVII в., наряду с орфограммами, в которых буква ѣ употреблена этимологически правильно, встречено большое количество написаний с заменой ѣ на и и е в позиции под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Приведем небольшую выборку примеров употребления букв и и е на месте традиционного ѣ в корнях слов.

Позиция перед твердыми согласными

Буква и: билгым 30-2 об.⁵, билые 1262-61, билки 1262-26, гнид (кратк. прил.) 1257-48 об., дилал 30-52 об., колина 1257-64, ливое 1257-48 об., лис 11-11 об., мидных 1262-3, человек 1257-54 и др.

Буква е: белои 1259-6, гнед 1260-18 об., левая 1260-78, сер (кратк. прил.) 1260-29 об., человек 1260-5 и др.

Позиция перед мягкими согласными

Буква и: колони 1260-34, миди 1261-2, мирено 23-4, на мисец 8-1, мисечины (Р. ед.) 11-2, три недилы 1-32 об., повити 24-9, сият(ь) 20-12 об., симени (Р. ед.) 20-13 об., двѣ сити 1-54, телиги 19-9 и др.

⁴ О диалектологической информативности «Пам. обор. См.» подробнее см.: Галинская Е. А. Рефлексы фонемы <ѣ> в смоленском диалекте начала XVII в. // Вопросы языкознания. В печати.

⁵ Первое из чисел, следующих за словоформами, обозначает номер рукописи по описям Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (рукописи из описи № 2 ф. 132 обозначаются арабскими цифрами, тогда как рукописи из описи № 2 ф. 3 — римскими), а второе — номер листа. Материал источников дается в упрощенном написании: и йотированное и юс малый передаются через *я*; омега — через *о*; Глоссы — через *и*; фита — через *ф*. Выносные буквы выделяются курсивом.

Буква *е*: по колени 1260-36 об., месечины (Р. ед.) 11-1, отметина 1260-2 об., с недели 1-33 об., *сетм* (3 л. ед. ч. наст. вр.) 32-120, телеги 1-70, телеги V-88 и др.

Подобная замена *ѣ* на *и*, *е* в обеих позициях наблюдается и в корнях заимствованных слов, в суффиксальных морфемах, а также в положении абсолютного конца слова в основах наречий, во флексиях местоимений и числительных. Статистический анализ распределения материала по позициям показывает, что в положении перед буквами, обозначающими твердые согласные, *е* на месте *ѣ* встречается значительно чаще, чем перед буквами, передающими согласные мягкие. Так, в корнях слов в позиции перед твердыми согласными *и* на месте *ѣ* встречено 300 раз, *е* — 145 раз (соотношение 2 : 1), в позиции же перед мягкими согласными буква *и* отмечена 120 раз, тогда как *е* — только 20 (соотношение 6 : 1). Примерно та же картина наблюдается в аффиксальных морфемах. Это дает основание предположить, что судьба фонемы <ѣ> в говорах, локализовавшихся в конце XVI — первой половине XVII в. на территории современной Ладого-Тихвинской группы, могла быть в разных положениях неодинаковой.

Возможно; в позиции перед мягкими согласными фонема <ѣ> реализовалась в монофтонге [и]⁶. В положении же перед твердыми согласными фонема <ѣ> реализовалась в звуке неоднородного качества, возможно, в дифтонге [иѣ], и именно произношением <ѣ> как [иѣ] можно объяснить регулярное чередование в рассматриваемых рукописях букв *ѣ*, *и*, *е* перед буквами, обозначающими твердые согласные. Вероятно, здесь отразилась неодновременность изменения [ѣ] → [иѣ] → [и] в северо-западных русских говорах. Первоначально дифтонг монофтонгизировался в [и] в положении перед мягкими согласными и лишь затем — в позиции перед твердыми⁷.

В конце XIX — начале XX в. в интересующем нас диалекте на месте <ѣ> последовательно произносилось [и] в слоге под ударением

⁶ Редкие же случаи замены *ѣ* на *е* в этом положении объясняются тем, что еще в древности у русских писцов сложился орфографический навык изредка употреблять *е* вместо *ѣ*, связанный с расхождением между чтением буквы *ѣ* в церковнославянских текстах и реализацией фонемы <ѣ> в живом языке. При этом подобная замена *ѣ* на *е* встречается не только в церковнославянских, но и в чисто русских памятниках. (см. об этом: Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Спб., 1886. С. 212—215).

⁷ Подробнее о судьбе фонемы <ѣ> в говорах русского северо-запада в конце XVI — первой половине XVII в. см.: Галинская Е. А. К истории фонемы <ѣ> в одном из севернорусских говоров конца XVI — первой половины XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1985. № 5.

во всех позициях. Об этом свидетельствуют записи соответствующих говоров, осуществленные в конце XIX — начале XX в. И. П. Хрущевым, В. Н. Перетцем и Н. Н. Соколовым⁸, а также материал, приведенный в работах А. И. Соболевского⁹, Н. Н. Соколова¹⁰, в Трудах Московской Диалектологической Комиссии и т. д.¹¹ В современных ладо-го-тихвинских говорах также отмечено произношение [и] из *ѣ и перед твердыми и перед мягкими согласными, находящееся, впрочем, практически всегда в сосуществовании с [е]. При этом спорадически отмечается произношение [ê] или [iê], как правило, наряду с другими вариантами произношения ([и] или [е])¹².

Таким образом, на русском северо-западе за последние четыре столетия произошли следующие изменения лингвистической карты: если в конце XVI — первой половине XVII в. еще существовала фонема <ѣ>, реализовавшаяся перед твердыми согласными в дифтонге [iê], а перед мягкими в звуке [и], то в конце XIX — начале XX в. ее уже не было, но за счет ее утраты расширилась сфера употребления фонемы <и>; в наше же время увеличилась сфера функционирования фонемы <е> за счет усвоения ее в тех словах, где раньше произносилось только [и], а теперь под влиянием литературного языка оба варианта произношения сосуществуют.

2. Предлог *ув* в западных русских говорах и реализация фонемы <в>

Издавая «Пам. обор. См.», рукописные оригиналы которых находятся в Швеции, Ю. В. Готье сохранил все особенности орфографии подлинника, поскольку «в некоторых документах замечаются особен-

⁸ См.: Хрущев И. П. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти//Записки Императорского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1869. Т. 2. С. 49–75; Перетц В. Н. Деревня Будагоща и ее предания//Живая старина. 1894. Т. 4, вып. 1. С. 3–18; Соколов Н. Н. Поездка в Тихвинский уезд//Русский филологический вестник. 1909. Т. 62, № 3–4. С. 277–298.

⁹ См.: Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.

¹⁰ Соколов Н. Н. Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе границ северновеликорусского наречия//Русский филологический вестник, 1914. Т. 71, № 2. С. 295–311.

¹¹ Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией: Новгородская губерния/Обработал Н. Н. Дурново//Труды Московской Диалектологической Комиссии. Варшава, 1910. Вып. 2. С. 6–15; Материалы для изучения великорусских говоров. СПб., 1910. Вып. 9; Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским Обществом Любителей Древности/Обработал Н. Н. Соколов//Русский филологический вестник. 1914. Т. 71, № 1–2. С. 312–333.

¹² Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН). Карты 53, 54, 57; Атлас русских говоров северо-западных областей СССР (Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН). Карта 22.

ности местного говора, могущие представить интерес для специального изучения»¹³. Однако он явно разделил текст скорописных источников на слова, причем в некоторых случаях современный издатель-лингвист предпочел бы иное словоделение. Ср., напр., следующие написания: у в Ывана 159¹⁴, у Выльи пророка 17, у Вондрѣя 226 (4 ×) (ср. там же — Ондрѣя, Ондрѣю, от Ондрѣя и др.), у вотвесу 207, у Ворѣха Иванова 16. Перед нами, несомненно, предлог *ув*, употребленный перед начальными [и] и [о] знаменательного слова. Отмечен также предлог *уво*: уво вдовы 238, у во вдовы 244 (3 ×), у во Власка 264. Предлог *уво* перед согласными, видимо, имеет другое происхождение, чем *ув* перед гласными. Е. Ф. Карский полагал, что *уво* восходит к удвоенному предлогу *увоу*. Такое удвоение спорадически известно и севернорусским говорам: *вов чистом поле, вов сине море*. Ср. также пример из белорусских говоров: *увы вдовы*¹⁵. Судя по данным Диалектологического атласа русского языка (далее — ДАРЯ), все говоры Смоленской группы знают и сейчас предлоги *ув*, *уво* (ДАРЯ, вып. 1, карта 59).

Что же касается северного наречия, то здесь предлог *ув* фиксируется в настоящее время лишь в единичном рассеянном распространении. Однако, судя по данным исследованных текстов конца XVI — первой половины XVII в., и в северо-западных говорах он в этот период существовал. Ср. довольно многочисленные примеры из деловых документов Тихвинского Успенского монастыря: *ув устюженца* 7-44, 15-26, 37, 21-97, 105, 141, 152, 22-22, 1260-25 об., *ув устиженца* 15-24, 27 об., 19-29, 24-22, *ув устиженцов* 7-29 об., 21-24 об., 19-22 об., *ув олончань* 29-43 об., *ув ондрѣя* 29-74 об., 1260-32, 43, 44, *ув олексея* 1260-25 об., *ув онцыфорова с(ы)на* 1260-71, 71 об., *ув онан(ь)я* 1260-3 об., *ув ульяна* 1260-57, *у ивана ув остратова* 1264-17 об., *у васил(ь)я ув островавякина* 1261-6 об., *ув обоихъ* 1260-19, *ув уха* 1260-9 об., *ув оха* (с опиской) 1260-15¹⁶. Как видим, предлог *ув* встречается только перед словами, начинающимися со звуков [о] и [у], т. е. лабиализованных гласных. Быть может, здесь отразилась начальная стадия утраты предлога *ув* одним из северновеликорусских говоров, заключавшаяся в том, что перед гласными нелабиализованными этот предлог уже утерял звук [в] (ср.: *у ивана ув остратова* 1264-17 об.).

¹³ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. С. XVI.

¹⁴ Числами обозначаются номера текстов, из которых извлечены примеры.

¹⁵ См.: Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955. С. 334—335.

¹⁶ Перед нами несомненно предлог *ув*, так как достоверных написаний, указывавших бы на наличие протетического [в] в других позициях (не после [у]), не отмечено.

У историков русского языка и диалектологов сложилось мнение о том, что предлог *ув* появился в результате того, что стало возможным произношение [y] полного образования в соответствии с [v] в начале фонетического слова¹⁷. При этом известно, что чередование [v] и [y] возникает в такой системе, где звонкий губной спонант имеет билабиальное образование¹⁸, так что генетически предлог *ув* связан с [w] ([ǃ]).

Данные лингвистической географии указывают, что ареал распространения предлога (приставки) *ув*, *уво* почти совпадает с ареалом распространения [ǃ] ([y]) в начале слова и [w] ([ǃ]) в позиции конца слова и слога в соответствии с фонемой <в> (см.: ДАРЯ, вып. 1, карты 56-59)¹⁹.

Таким образом, типологический критерий позволяет допустить, что раз в конце XVI — первой половине XVII в. в говорах, расположенных на территории современной Ладого-Тихвинской группы, был представлен предлог *ув*, то в тот же период фонема <в> в слабых позициях реализовалась там в звуке [w] ([ǃ]). Впрочем, в исследованных рукописях, происходящих из этого региона, есть единичные указания на такой тип произношения: со пшеужи 9-16 об., со пшеужа 1-114 об. (р. Пчѣвжа, приток Волхова). Очевидно, что исключительно на основании этих написаний вывод о наличии в речи писцов звука [w] ([ǃ]) может быть сделан лишь с известной долей допущения. Однако при учете лингвогеографических данных о связи предлога *ув* с [w] билабиальным реконструкция губно-губного [w] для рассматриваемых говоров конца XVI — начала XVII в., в которых имелся предлог *ув*, становится обоснованной.

В современных ладого-тихвинских говорах фонема <в> имеет губно-зубное образование и в позициях оглушения реализуется в звуке [ф] при редких случаях произношения типа тра[ǃ]ка, тра[v]ка или тра[x]ка, всегда сосуществующих с произношением [ф] в слабой позиции (см.: ДАРЯ, вып. 1, карты 56-58). Значит, за последние четыре

¹⁷ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 123; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 290-291; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)/Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970. С. 37.

¹⁸ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. С. 35.

¹⁹ К зоне такого совпадения относятся и смоленские говоры как в современном, так и в более древнем их состоянии, отраженном в «Пам. обор. См.», где встречено некоторое количество написаний, свидетельствующих о том, что в начале слова перед согласным фонема <в> реализовалась в звуке [ǃ] или даже [y] (удала 242, унуць 238, уверх 26, уместе 186 и т. д.), а в середине фонетического слова перед согласным — в звуке [ǃ] ([w]): Кузма Кушиник 280 (с пропуском *е*), на устречи 243 (ср. также гиперкорректные написания: у Невпакайка Ражнова 242, а невчнет он ... жит(ь) 227-V).

столетия в западной диалектной зоне сузился ареал распространения предлога *ув* в сочетании с произношением [w] ([ǔ]) на месте фонемы <в> в слабых позициях. Сократившись за счет северо-западных говоров, этот ареал остался неизменным лишь в южнорусских и частично среднерусских западных диалектных областях.

3. Качество звонкой заднеязычной фонемы в смоленских говорах

Как известно, взрывное или фрикативное произношение звонкой заднеязычной согласной фонемы далеко не всегда отражается в орфографии памятников древней письменности, так как буква *г* одинаково успешно обозначала [г] у носителей говоров с взрывным заднеязычным и [ɣ] у носителей диалектов с заднеязычным фрикативным, поэтому, если в источниках и встречаются указания на качество звонкого заднеязычного, то они, как правило, единичны. В текстах «Пам. обор. См.» информативных в этом плане написаний совсем мало и они противоречивы: апошен черлеть с пуховицы 283 (ср. там же: 11 пугвиць), восьмьдесят сермяк белых и черных 7. Кроме того, комментарии требуют следующие написания: три армяги 165, Серкейка 6, кники 6, 11, с укрозами 34²⁰. Они могут классифицироваться как отражающие непозиционную мену парных по глухости/звонкости согласных (ср.: хлѣпом 162, скирту овса 101, пятнатцат накиток 16). В таком случае мы имеем дело с меной [г]//[к], т. е. взрывного заднеязычного со взрывным. Итак, отмеченные в «Пам. обор. См.» орфограммы свидетельствуют, с одной стороны, о наличии [ɣ] фрикативного (с пуховицы), а с другой стороны, о том, что заднеязычный оглушался в [к] и непозиционно чередовался с [к], а значит, мог быть взрывным.

П. А. Расторгуев, изучивший рукописные и печатные материалы с записями смоленского диалекта XIX — начала XX в. и сам проводивший в 1929—1931 гг. полевые наблюдения над говорами многих населенных пунктов на территории Смоленщины, отмечает, что, при явном преобладании [ɣ] в смоленских диалектах, в некоторых местностях последовательно произносится [г], например в с. Княжем б. Красненского уезда, и есть также села, где оба типа произношения сосуществуют²¹. По данным ДАРЯ, все говоры Смоленской группы знают [ɣ] в сильной позиции и [х] в слабой, однако имеется несколько островков, где в сочетании с произношением [ɣ]//[х] отмечается [г] в сильной и [к] в слабой позиции, причем более обширными, чем в основной части

²⁰ Впрочем, в форме *Серкейка* первое *к* может быть опiskой под влиянием последующего *х*. Что касается написания *кники*, то оно, видимо, не случайно, так как отмечено дважды, причем в разных текстах.

²¹ См.: *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960. С. 77—79.

группы, эти островки оказываются на севере ее — на границе с псковскими говорами, которым свойственно [г] взрывное (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 44).

В свое время Р. И. Аванесов предположил, что смоленские говоры раньше принадлежали к севернорусскому наречию, а южновеликорусские черты (аканье и [γ] фрикативное) начали распространяться в них тогда, когда в исконно южновеликорусских говорах они уже устойчиво существовали²². Как видим из приведенных выше примеров, [г] взрывное было возможно в смоленских говорах наряду с [γ] еще в начале XVII в. и скорее всего, судя по статистическому соотношению приведенных выше написаний, было более распространено в тот период, чем в конце XIX — начале XX в., когда южнорусское [γ] стало в смоленском диалекте преобладающим. Наличие взрывного заднеязычного в смоленском диалекте в новое и новейшее время поддерживалось и поддерживается, несомненно, подражанием более престижному произношению с взрывным [г]. Так, П. А. Расторгуев, ссылаясь на наблюдения Н. П. Гринковой, замечает, что ею зафиксировано [γ] только в говорах архаического типа, тогда как в новом типе говоров [γ] — редкость, причем грамотное население произносит [г], в то время как в говоре стариков [г] встречается лишь спорадически²³.

4. Качество шипящих согласных в смоленском диалекте

Звуки [ш] и [ж] в смоленских говорах — твердые (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 63). Все источники, рассмотренные П. А. Расторгуевым, в том числе материалы первой половины XIX в., также указывают на твердость [ш] и [ж]²⁴.

Тексты «Пам. обор. См.» представляют довольно обширный материал касательно качества шипящих согласных — здесь регулярно употребляются сочетания *шя, шю, жя, жю*. Ср.:

шя: съ Елшя 13, Елшня 34, Кушялев 159 (2 ×), Шянин 227-IV, Шятихин 159, украшял 222, шянок (Р.мн.) 7, 9 и т. д.

шю: Шюмов 159, у ... Шюшарина 245, Шюшерина (Р. ед.) 200, Ошюшкина (Р. ед.) 243, шюбка 283, с ... шюбаю 101, одну шюбу 101, две шюбенки 101, 2 шюрина 242 и т. п.

жя: Бестужяц 159, Жяров 242 (2 ×) ис Сурожня 39, дорогобужян (Р. мн.) 242, не держят(ь) 227-I, жялованья (Р. ед.) 242, нарежялся 26, пожаюи 33, убежяли 9, с тех жя 7 и т. д.

²² См.: Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 41, 46–47.

²³ См.: Расторгуев П. А. Указ. соч. С. 78.

²⁴ Там же. С. 76–77.

жю: Жюкову 232, у Велижю 32, кажюшной 283, межю 39, рубежю 39, рыжю 96, на ... сторожю 39 и т. д.

Встречены также орфограммы *жьгли* 36, *выжьгли* 19.

Всe приведенные написания явно указывают на мягкость <ш> и <ж>. Между прочим, косвенным свидетельством того, что шипящие в смоленских говорах отвердели поздно, служит тот факт, что зачастую здесь до сих пор отсутствуют результаты изменения [e] в [o] перед шипящими²⁵. Е. Ф. Карский предполагал, что шипящие в старых западнорусских говорах становились твердыми постепенно, а в XVI в. пошли по пути к окончательному отвердению²⁶. Материал исследованных текстов, однако, показывает, что еще в начале XVII в. шипящие <ш> и <ж> произносились в смоленских говорах мягко. Впрочем, процесс их отвердения в это время, по-видимому, уже постепенно начинался. Так, на фоне регулярных написаний с буквосочетаниями *ши*, *жи* встречены три случая написания *жь*: ржи (Р. ед.) 247 (2 ×), аржи 242 (при множисл. *иржи* в том же тексте). Видимо, позиция в трудноп произносимом сочетании после твердого [р] была первой, в которой шипящие начинали отвердевать.

Глухой долгий шипящий в начале XVII в. был в смоленских говорах, судя по всему, мягким. На это указывают следующие написания: вмешати 159, волощане (от *волость*) 15, волосщян (Р. мн.) 9, Верещягин 261, Гаврилища 107, Городища (Р. ед.) 39, из Городища 39, пишял(ь) 229, прозвища 31, в Сщючья (с. Щучье) 39, через Сщюческую волость 9, через Сщучейскую волость 19, назади Сщючейской волости 39 и т. д.²⁷ Что же касается других характеристик этого сложного звука, то здесь возникают два предположения. Во-первых, есть орфограммы, свидетельствующие о том, что это мог быть звук [ш'ш']: 1) с удвоенным *ш* (а буква *ш*, напомним, ассоциировалась с мягким звуком): прозвища (И. ед.) 118, Сушшов 118; 2) с меной букв *ш* — *щ*: за Елшом 11 (ср. там же: от Елша, на устье реки Елши), зборщик 240, гребенщик 205, ямщик 186, ямшики 186. Во-вторых, отмечено написание *из Чючья* (упомянутое выше село Щучье) 21, позволяющее заключить (если не предполагать здесь опisku), что писавший произносил звук [ш'ч'] (о мягкости <ч> см. ниже). Косвенно на такое произношение могли бы указывать и написания с сочетанием *сщ*: волосщян (Р. мн.) 9, помещиков (Р. мн.) 26, в Сщючья 39, на Сщючейской рубеж 39, через Сщючейскую волость 19 и др., но буква *с* могла быть здесь

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ См.: Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 379.

²⁷ Во встреченном один раз написании с *товарыщи* 74 *ы* может быть объяснено графической аналогией.

приставлена из каких-то других орфографических соображений, ср.: по сшти человекъ 69, где фонетически было, вероятно, [ш'т'и], но с тем не менее стоит.

Таким образом, долгий глухой шипящий, скорее всего, звучал как [ш'ш'], причем такое произношение, возможно, сосуществовало с произношением [ш'ч'].

Долгий звонкий шипящий имел, должно быть, реализацию [ж'ж']. На мягкость этого звука указывают написания приѣжяют 26, не заяжяя 26, а на долготу — орфограммы зажжет 186, пожженных (М. мн.) 7, Дрожжіны 250, Дрожжіна (Р. ед.) 251, Петка Дрожжа 248. Есть и написания с одиночным ж: сожено 7, пожено 8, пожеными 8 и приведенные выше приѣжяют 26, не заяжяя 26, но они картины не меняют, указывая лишь на близость долгого звонкого шипящего звуку [ж], который, как показано выше, был мягким.

В современных смоленских говорах основным повсеместно распространенным типом произношения долгого глухого шипящего является [шш]. В западной части группы с ним может сочетаться произношение [шч], в центральной и восточной — [ш'ш'], а на севере — [шч] и [ш'ш']. Островками отмечено произношение [ш'ч'] (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 48). Долгий звонкий шипящий реализуется в сочетании [жж] на всей территории Смоленской группы. Лишь в западной ее части кое-где произносится [ждж], [ж'д'ж'], [ж'ж'] и [ж'д'], а в северной части есть островки, где отмечено [ж'ж'] (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 52).

Итак, шипящие — как нормально краткие, так и длинные — имели в начале XVII в. в смоленских говорах другую реализацию, чем сейчас, и были мягкими. Нынешнее повсеместно распространенное их твердое произношение, следовательно, возникло не ранее середины XVII в.

5. Качество фонемы <ч>

При полном отсутствии написаний типа *чы, чь* в «Пам. обор. См.» отмечены орфограммы с *чя, чю*: тысяча 10, Гончяров 227-III, Горчякову 140, Докучяяв сынъ 159, Григоревича (Р. ед.) 227-I, у ... Лучянинова 242, тотчяс 39, Чярыкин 227-II, щучяне 32, плачюца 7, 8, с тысею 14, Іванавичю 10 и т. д. Таким образом, здесь отражается, по-видимому, мягкое [ч']. Значит [ч] твердое, широко распространенное в западной части Смоленской группы говоров в их современном состоянии (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 45), — черта относительно новая, в начале XVII в. еще, видимо, не существовавшая. В XVIII в. твердое [ч] уже было представлено в смоленском диалекте, о чем свидетельствуют данные «Мемориала достопамятных авторизаций», который «в княжестве

Смоленском от Рождества Христова лега 1746 марта 10 дня соч-
нень»²⁸.

6. Сочетания [чн] и [шн] в смоленском диалекте

П. А. Расторгуев отмечает почти повсеместное произношение [шн] из [чн] в смоленских говорах. При этом имеются и лексемы с [чн], но они характеризуют говор младшего поколения²⁹. Судя по данным ДАРЯ, распространенность [ш] на месте [ч] в сочетании [чн] в говорах Смоленской группы говоров довольно высока, хотя и не настолько, как в восточных среднерусских говорах (см.: ДАРЯ, вып. I, карта 83).

В текстах же «Пам. обор. См.» встречено небольшое количество написаний с буквенным сочетанием *шн*: выморошное ... помѣстье 276, о помѣстьях... о выморошных 56, горшошник 227-1, Подивишников 252, Рукавишник 227-V³⁰, с рушницею 229, с рушницами 229 (2 ×), у Шапошника 242. Наряду с этим представлен целый спектр разнообразных лексем, в которых употребляется сочетание *чн*, причем среди них много фамилий и прозвищ, которые записывались, видимо, со слуха и традиционного орфографического облика не имели. Ср. лишь некоторые примеры: Булавочник 130, безвыимочно 113, у ... Войлочника 242, гречневичник 234, даточной человѣкъ 240, Деревяничник 234, Епанечник 234, жітничному 251, Завязочник 250, Замочник 250, калачник 227-1, Крючник 234, Лучников 232, Обручечник 234, однолично 18, однокочечно 66, Оловяничник 234, на поличное 166, поперечнику 47, поручную 151, пряничникъ 248, Пугвичник 234, рукавичник 234, с ручницами 229, ссылачных 223, стречно 223, шапочник 229, не явочное 112, Яичник 124 и т. д.

Изменение [чн] в [шн] относится к числу тех языковых явлений, которые достаточно свободно отражаются в орфографии памятников деловой письменности. См., напр., извлечения из скорописных документов, созданных во Владимирском крае в XVII в.³¹: грешневых 78-4, кирпишной 88-41, в кузнешной завод 77-55 об., на кружешной двор 166-1, колашкики 136-198, ларешной 166-1, лѣтошнее 78-10, вброшьяга 210-1, околотошная 56-70, оконпишнику 88-27 об., к окошеиным за-

²⁸ Выборку написаний с сочетанием *чн* из этого памятника см.: *Расторгуев П. А.* Указ. соч. С. 81.

²⁹ Там же. С. 92-93.

³⁰ С заглавной буквы в издании обычно воспроизводятся фамилии и прозвища, со строчной — названия профессий.

³¹ Материал приводится по изданию: Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край/Под ред. С. И. Коткова. М., 1984. Первым числом после орфограммы обозначается номер текста, вторым — номер листа; выносные буквы выделены курсивом.

творам 88-41, Песошное (название деревни) 1-16 об., пешнику (Д. *ед.) 82-168, поперешнику 90-8, Пшенишное (название деревни) 1-9, запо-рушную запис 239-140, каапан понитошной 77-20, Рукавишникъ 246-37, рундук и рундушное место 89-133 об., Свѣшникъ 89-4, к сеи явож-ной челобитной 169-1 об., яшневои муки 77-24, язышною молкою 111-1 и т. д. В этих же текстах встречаются написания с *чи*, но их меньше. Такая орфография, наверняка, соответствовала языковой ситуации, поскольку в современных владимирских говорах произношение [шн] распространено повсеместно (см.: ДАРЯ, вып. 1, карта 83).

Значит есть основания полагать, что [ш] на месте [ч] в сочетании *чи* было в смоленских говорах в начале XVII в. существенно менее частотным, нежели в XX. Видимо, первоначальным ареалом распространения этого явления были восточные русские говоры (ср. приведенный материал текстов Владимирского края), откуда пошла экспансия такого типа произношения на запад.

* * *

Итак, в западной диалектной зоне расхождения между тем состоянием говоров, которое восстанавливается для конца XVI — первой половины XVII в., и нынешним их обликом таковы:

	Конец XVI — первая половина XVII в.	Современное состояние диалектов
Северо-западные говоры	Реализация фонемы <ѣ> перед твердыми согласными в дифтонге [иѣ], перед мягкими — в звуке [и]	Рефлексация *ѣ как [и] в позиции и перед мягкими и перед твердыми согласными
	Наличие предлога <i>ув</i>	Отсутствие предлога <i>ув</i>
	Произношение [w] в слабых для фонемы <в> позициях	Регулярное оглушение <в> в [ф]
Юго-западные говоры	Некоторая распространенность [г] взрывного наряду с [γ] фрикативным	Преобладание фрикативного [γ]
	Мягкость [ш'], [ж'] и долгих шипящих согласных	Твердость [ш], [ж] и долгих шипящих согласных
	Мягкость аффрикаты <ч>	Твердость аффрикаты <ч>
	Небольшая распространенность произношения [шн] из [чн]	Довольно высокая распространенность произношения [ш] на месте [ч] в сочетании <i>чи</i>

Таким образом, в конце XVI — первой половине XVII в. лингвистическая карта, по крайней мере применительно к русским северо- и юго-западным говорам, была в некоторых аспектах существенно отличной от той, которая вырисовывается в настоящее время.